

Феодорит Кольский, Трифон Печенгский. Основание монастырей.

Ушаков И.Ф. История Кольского Севера с древнейших времён до 1917 года.
Мурманск, 1992.

Почва для христианизации их была подготовлена длительным общением с русскими людьми, исповедовавшими православие, и начавшимся распадом патриархально-родового строя. Монахи были заинтересованы в том, чтобы привить саамам такие религиозные представления, которые бы побуждали их делать вклады в монастыри и работать на них. Христианская религия давала широкие возможности для эксплуатации саамов, подчинения их власти духовных феодалов. Поэтому монастыри стали насаждать ее со всем рвением.

Монахи-проповедники селились среди саамов, изучали их язык и исподволь внушали мысль о необходимости «спасения души» путем принятия христианства и исполнения предписаний православной церкви. Нередко они действовали под видом торговцев, начинали свои беседы с саамами на обычные житейские темы, а затем знакомили с христианским учением.

Склоняя к принятию новой религии, монахи обещали саамам не только вечное блаженство в загробном мире, но и реальные выгоды в земной жизни — покровительство монастыря в случае разорения их «мурманами»(норвежцами) или шведами, а также в случае голода или какого-либо другого бедствия. Старейшинам и другим влиятельным лицам, которые соглашались принять «русскую веру», выдавались подарки — кафтаны из цветного сукна, металлическая посуда.

Первыми, в 1526 году, приняли христианство саамы, жившие близ Кандалакши. Для них в селении была построена церковь, при которой позднее возникла монашеская обитель. Иван IV пожаловал ей «для монастырского строенья и для лопского крещенья» 7 и 1/4 лука. Гораздо труднее оказалось обратить в христианство саамов, живших в отдаленных местах, мало общавшихся с русским населением, — «дикую лопь» Мурманского берега и внутренних районов Кольского полуострова. Сюда засылались наиболее способные и энергичные проповедники, изъявлявшие готовность совершить «подвиг» — приобщить язычников к русской церкви, чтобы получить за это милость от бога.

Такими «подвижниками», в частности, были соловецкий монах Феодорит и выходец из-под Новгорода отшельник Трифон.

Феодорит поселился на берегу Кольского залива и некоторое время жил как простой рыбак, ничем не стесняя окрестных саамов. По словам Феодорита, это были «люди зело просты и кротцы и отнюдь всякого лукавства неискусны», то есть очень добродушные и мирные. Сблизившись с ними и освоив их язык, Феодорит стал «помалу нудить их на веру Христову» и в конце концов добился согласия принять крещение.

Трифон обосновался на реке Печенге. Войдя в доверие к саамам, он стал втягивать их в торговые сношения с русскими купцами и промышленниками, вести

беседы о религии и постепенно убедил их принять христианство. В 1532 году из Новгорода на Мурман были присланы священники и плотники. Первые занялись крещением саамов, а вторые строили церкви. Летопись сообщает о сооружении двух церквей, но не называет мест, где они были поставлены. По-видимому, одну из них срубили где-то у Кольского залива, другую — на реке Печенге.

После крещения саамов проповедникам необходимо было увенчать свое дело созданием монастырей.

Феодорит отправился в Новгород собирать деньги на постройку обители. Феодальная знать не скупилась на пожертвования, и вскоре у Феодорита было уже «немало серебра». К нему из разных мест стеклись монахи, желавшие поселиться в новом монастыре. Закупив все необходимое, Феодорит прибыл «на устье» реки Колы.

После постройки монастыря Феодорит, принадлежавший к числу «нестяжателей», составил для собравшейся к нему братии устав, который предписывал жить «обще и отнюдь не стяжательно», по апостольскому завету: кто не трудится, тот не ест.

Вскоре монахи начали роптать, говоря, что «тяжек и нестерпим уставлен им путь», что нельзя «жити без имений, своими руками хлеб добывающе».

Все кончилось тем, что монахи «нещадно» избили своего начальника и изгнали его «из той страны, аки врага некоего». Монастырь, едва возникнув, распался.

Совсем иначе шло дело на Печенге.

Трифон был энергичным «стяжателем». Он принимал «дары» от рыбаков, приезжавших на промыслы, принуждал крещеных саамов «трудиться» в своей обители и таким образом создал крепкий монастырь. В 1556 году он посетил Новгород и Москву, собирая пожертвования, был благодетельствован членами царской семьи, которые подарили ему богатые одежды, серебряную посуду и другие ценности; сделали вклады в монастырь и представители феодальной знати. Благодаря этому монастырь обзавелся хозяйством — рыбными ловлями, скотом, промысловыми и транспортными судами.

Печенгские монахи стали расширять владения монастыря. Они кабелили саамов ссудами и «покупали» у них все новые и новые участки. Вскоре Печенгскому монастырю уже принадлежала вся река Печенга, окрестные озера и морские тони по Печенгской губе — угодья, составлявшие четыре лука. Саамские луки были в десять раз ценнее варзужских. Они охватывали множество всяких угодий. Так, в три лука, купленных печенгскими монахами у мотовских саамов, входили две реки — «Большая и Малая Лица со всею Лицкою губою, с рыбными ловлями, с тонями... и с озерки, и с бобровыми гоны и с звериными ловлями».

После Басаргина правежа (нападения опричников) на Мурманский берег бежало много крестьян из беломорских волостей. Часть из них поселилась во владениях Печенгского монастыря, стала заниматься промыслами, отчего, по свидетельству очевидца — голландца Салингена, монастырь быстро разросся.

Печенгские монахи начинают приобретать угодья и на беломорском побережье. В 1569 году крестьянин Евсей Букин отдал монастырю свои земли по реке Порьей. Собственностью монастыря становятся также рыбные ловли, пожни, леса и варничные места в окрестностях Кандалакши, Княжой Губы и Ковды. Но особенно

обширные приобретения Печенгский монастырь делает в северо-западной части Кольского полуострова. В феврале 1571 года монахи купили три лука у кильдинских саамов (реки Среднюю, Тюву и другие), затем 9 луков у мотовских саамов, а также участки по рекам Коле, Туломе, Вороньей и Териберке.

Основатель монастыря Трифон пользовался благоволением и покровительством царя. Как отмечается в писцовой книге Василия Агалина (1574 г.), Иван IV «начальника и строителя Трифона с братиею пожаловал — дани и оброку с тех луков имати... не велел». В 1581 году царской жалованной грамотой саамы Печенгского и Мотовского погостов были отданы навечно Печенгскому монастырю «в крестьян место», то есть в феодальную зависимость.

В 70—80-х годах XVI века Печенгский монастырь создал самое северное в мире крупное феодальное хозяйство, имевшее обширные морские промыслы, соляные варницы, бобровые ловища, семужьи заборы, скотные дворы и т. д.

Не последнюю роль в увеличении богатств монастырей играло религиозное воздействие церкви на верующих людей.

Сохранилась книга, в которую в XVI веке записывали вклады, поступавшие в Кандалакшский монастырь. Жители Поморья, желая получить милость от бога, жертвовали монастырю земельные участки, дома, скот, суда, солеваренные црены, съестные припасы, кресты, книги, деньги, серебряную посуду и прочее имущество. Среди жертвователей были и саамы («лопин Василий» и другие).